

Светлана Демидова

*Шатёр
из поцелуев*

русский любовный
роман

Светлана Демидова

Шатер из поцелуев

«Автор»

2006

Демидова С.

Шатер из поцелуев / С. Демидова — «Автор», 2006

ISBN 5-699-19439-8

От его поцелуев у Ольги кружилась голова, от его слов сладко щемило сердце. Неужели об этом придется забыть – и считать все лишь новогодним сном, фантазиями одинокой женщины, размечтавшейся о великой любви? Сергей Николаев – мужчина, с которым она год переписывалась по интернету, оказался обычным ловеласом. К тому же, выяснилось, что у него есть дочь и жена... Все рухнуло. Что ж, это удел любого романа. Остается одно – банально выйти замуж за соседа. Ольга так и поступила. Но она и предположить не могла, что Сергей будет пытаться вернуть ее...

ISBN 5-699-19439-8

© Демидова С., 2006

© Автор, 2006

Содержание

Часть 1	5
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Светлана Демидова

Шатер из поцелуев

Часть 1

Ноги Ольги в тонких колготках совершенно заledenели, когда в слабо освещенной фонарями морозной дымке наконец показался нос автобуса.

Ольга на чем свет кляла неожиданно упавший на Питер мороз! Прямо спасу от него нет! Минус двадцать восемь градусов! И чего не надела брючный костюм? Новую юбку с пикантным разрезом на боку всем показать, видите ли, хотелось! Ну показала, и что? Никто даже внимания не обратил. Хозяйка дома, где Ольга была в гостях, Наталья, только и сказала: «Гляжу, ты чуток прибарахлилась к праздничку! Ничего... ничего...» Получается, что Ольга теперь так дико мерзнет всего лишь из-за этого сомнительного комплимента. Ноги превратились в две ледышки! Тронь – зазвенят! Может быть, в автобусе немножко отогреются, а то хоть кричи!

Она протиснулась в дверь одновременно с мужчиной в черной дубленке и с большой спортивной сумкой на плече. Мало того, что эта сумка чувствительно ткнула Ольгу в бок, так ее хозяин еще и уселся на единственное свободное сиденье в автобусе, растопырив в стороны колени, как делают все мужчины, чтобы стоящим женщинам оставалось еще меньше места. Ольга решила специально встать рядом с этим хамом неммым укором. Хам не обратил на ее укор ровным счетом никакого внимания, то есть не подумал вскочить с места и рассыпаться в извинениях. Он сидел, обхватив свою сумку обеими руками, будто какое сокровище, и пялился в абсолютно белое, заиндевевшее окно. На крутом повороте Ольга из принципа завалилась прямо ему на сумку и, возможно, что-то в ней помяла, потому что он возмутился, как ей показалось, отвратительно скрежещущим голосом:

– Осторожней нельзя!

– Нельзя! – мстительно ответила Ольга.

Мужчина поднял на нее удивленные глаза, а она, изогнув губы в самой что ни на есть саркастической улыбке, спросила:

– А вам не дует?!

– В смысле? – еще больше удивился мужчина, а Ольга подумала, что он на редкость противно удивляется.

– В смысле, что я могла бы посидеть на вашем месте, если вам вдруг дует! Чтобы... так сказать... закрыть вас собственным телом от сквозняка!

Мужчина в черной дубленке оказался не просто хамом, а еще и абсолютно тупым, потому что так и не понял прозрачного ее намека и остался сидеть на месте. А Ольга осталась стоять, переминаясь с одной замерзшей ноги на другую.

Она и сама не знала, отчего так возненавидела этого типа, сидящего в обнимку со своей сумкой. Давно уже прошли те времена, когда в транспорте мужчины уступали женщинам места, и она всегда относилась к этому с большим терпением. Наверно, все дело в том, что сегодня на дне рождения у Натальи она была единственной женщиной без мужской половины. Но где же взять нормальную половину, если все эти половины так и норовят себе урвать места получше! Вот взять хотя бы этого, с сумкой... Или уж лучше не брать?! Да пропади он пропадом, хоть с сумкой, хоть без сумки!

Когда автобус подъехал к Ольгиной остановке, выходить из него ей пришлось все с тем же мужчиной в нелепой черной дубленке. Он опять самым отвратительным образом пихнул ее все той же ручной кладью. Ольга как раз соображала, что бы такое ругательное выкрикнуть ему вслед, когда он вдруг сам к ней обратился:

– А вы не знаете, где Печатный переулок?

– Да вы на нем стоите! – очень ядовито ответила Ольга, поскольку яду накопилось уже достаточное количество.

– А дом номер семнадцать... может быть, тоже знаете где?

Ей ли было его не знать, если она жила как раз в доме № 17 по Печатному переулку. Хотелось бы, конечно, специально запутать этого невоспитанного мужлана, но вряд ли удастся. Когда он повернет голову в другую сторону, тут же увидит искомый номер, огромный и чуть кривоватый. Исходя из этих соображений, Ольга даже не стала ничего говорить, ткнула рукой в нужном направлении и быстро побежала к дому, чтобы этот неандерталец не вздумал у нее выяснять, в каком подъезде находится интересующая его квартира. С нее его вопросов уже хватит! Пусть не наглеет!

Ольга все еще шарила в сумке в надежде отыскать ключи среди очень большого количества предметов первой необходимости, когда лифт остановился на ее площадке, и из него вывалился все тот же неандерталец со спортивной сумкой, которая уже порядком надоела Ольге. Неандерталец очень внимательно посмотрел сначала на Ольгу, будто видел ее впервые, потом на номер ее квартиры, а потом опять на нее.

– Нет... вы что... живете в сто двадцать шестой квартире? – спросил мужчина.

– Похоже, что вас это удивляет, – опять съязвила она, наконец нашла ключи, облегченно вздохнула и вставила самый длинный из них в замочную скважину.

– То есть... вы и есть Ольга? – опять спросил мужчина.

Это переходило уже всякие рамки и не входило ни в какие ворота. Та, которая действительно была Ольгой, подбоченилась и ответила:

– Да! Я Ольга из квартиры номер сто двадцать шесть дома номер семнадцать по Печатному переулку! Вам-то какое дело до этого?!

– Да... собственно... В общем... я – Сергей...

– С чем вас и поздравляю! – бросила ему Ольга и шагнула через порог своей квартиры. Прежде чем она успела захлопнуть дверь, мужчина сказал:

– Нет... Вы не поняли... Я Сергей Николаев.

– И что?! – уже с настоящей злостью в голосе спросила она.

– Ну... я вам писал... а вы... мне... вот... – Он начал расстегивать свою ужасную сумку. – У меня тут... с собой есть ваши письма...

У Ольги противно заныло в животе. Это и есть Сергей Николаев?! Это убожество в черной дубленке! Она, оказывается, свои собственные письма помяла, когда рухнула в автобусе на его сумку. Конечно, это ее конверты. Она специально купила целую пачку фирменных, питерских, с Медным всадником, Петропавловкой и прочими достопримечательностями. Какой же он идиот! Предъявляет их, будто пропуск в ее квартиру. Не на ту напал, брачный аферист!!!

– Что-то не похоже, чтобы вы были... метр восемьдесят! – выпалила она.

– У меня в действительности рост метр семьдесят восемь, но и вы, извините... не стройная брюнетка...

– Почему это я не брюнетка?! Я как раз брюнетка!

– Если вы даже и брюнетка, то ведь не стройная! – настаивал он.

– Да что вы в этом понимаете! – возмутилась Ольга. – У меня просто пальто такое... толстое... зимнее... как раз на мороз... А вы писали, что не имеете дурных привычек, а сами что?

– Что?!

– Да от вас никотином разит за километр! Да еще и дешевкой какой-то!

– Разве это дурная привычка? – изумился тот, который тянул всего на какие-то жалкие метр семьдесят восемь. – Дурная привычка – это когда...

– Когда что?

– Ну... не знаю... Когда что-нибудь ужасное... А курить, так почти все курят...

Ольга, которая и сама иногда покуривала с приятельницами на работе, решила сойти с этой скользкой темы и поставить Сергея Николаева наконец на место.

– Знаете что, а не поехать ли вам прямо сейчас обратно?

– Куда?

– Ну... туда, откуда вы приехали... Вы ведь, кажется, из Петрозаводска?

– Из Петрозаводска. И вы, между прочим, об этом точно знаете!

– Ну вот и езжайте обратно в свой Петрозаводск! Незванный гость, он... сами знаете кто!

– Так я специально... вроде как... сюрпризом... на Новый год...

У Ольги свело скулы от необыкновенной придурковатости того, с кем она самозабвенно переписывалась почти целый год, откликнувшись на его письмо в газете «Шанс». Сергей Николаев, который представлялся ей интеллектуалом с волевым мужественным лицом, на деле оказался человеком с удивительно глупой физиономией и дурными манерами. Жаль, что они не обменялись фотографиями, хотя... он мог бы прислать и не свою. Письма за него наверняка писал кто-то другой. Тот Сергей Николаев, который переписывался с Ольгой, никогда не явился бы, как дурак, сюрпризом на Новый год.

– Я надеюсь, вам есть где остановиться? – зачем-то спросила она, хотя надо было просто закрыть перед его носом дверь. Какое ей дело до проблем этого Николаева? Она никого не приглашала к себе ни на Новый год, ни на какие другие праздники.

– Вообще-то негде, но... вы, конечно, ничем мне не обязаны. Извините, я зря приехал... – Николаев засунул в карман дубленки ее письма, которые все еще держал в руке, и отошел к окну, пытаясь застегнуть свою отвратительную сумку.

Ольга пожала плечами и скрылась в квартире. Ловко она его отшила. Тоже нашелся... варяжский гость! Новогодний подарок!

Она сняла пальто и посмотрела на себя в зеркало. Конечно же, она еще вполне стройная. Не тощая, конечно, как Наталья, а так... в самый раз... Если и похудеть, так на пару килограммов, не больше. И волосы у нее почти черные. Если она и не брюнетка, то очень темная шатенка, что практически одно и то же... А он здорово огорчился, этот Николаев... если он действительно Николаев... Может, стоило спросить паспорт?

Ольга еще раз крутанулась возле зеркала и в общем и целом себе понравилась. Пожалуй, она не станет худеть даже и на пару килограммов. Когда она худеет, например после болезни, у нее сразу уменьшается грудь, чуть ли не на номер. А кому это надо? Вот сейчас на ней черный облегающий джемперок с глубоким вырезом углом. Маленькая золотая капелька кулончика очень уютно и соблазнительно устроилась в ложбинке, на самом спуске под тонкий трикотаж. Наташкин муж Леша, который за столом сидел напротив Ольги, только и делал, что пялился на эту ее ложбинку. Чувствовалось, что ему очень хотелось посмотреть, чем там все это великолепие заканчивается, под черным джемперком. Еще бы! У его Наташки чем начинается, тем и заканчивается. Чего нет, того нет. Она и бюстгальтер-то редко надевает, поскольку, извините, не на что.

Лягнув таким образом счастливо-семейную Наташку хотя бы фигурально, Ольга опять вспомнила Николаева. А что, если у него никого нет в Питере? Куда он денется на ночь глядя, да на таком диком морозе? Хотя... ей-то какое дело?

Расправив на лбу густую челку, Ольга отошла наконец от зеркала. Потом бессмысленно и почему-то беспокойно потолкалась по квартире, забрела в кухню и зачем-то налила себе холодного чая. Заглянув в чашку и увидев собственный глаз, будто плавающий в коричневой жиже, выплеснула чай в раковину и все-таки решила выяснить, что делается на лестнице. Ушел ли Николаев? Конечно, ему давно пора уйти, но мало ли что... Вдруг человеку стало плохо от расстройства, что зря проделал такой путь, а обратного билета нет...

Николаев еще не ушел. Он курил у окна, поставив свою сумку на подоконник. Похоже, не первую сигарету, потому что вся лестничная площадка была окутана сизым вонючим дымом. И что за дрянь он курит? Ольга решительно прошла мимо стоящего к ней спиной мужчины и позвонила в соседскую дверь. На лестницу через пару минут высунулась взлохмаченная Валька со скрученным в жгут мокрым махровым полотенцем в руках.

– Чего тебе? – не приветливо спросила она.

– Соли дай, – сказала Ольга.

– Иди сама возьми. Белые на лоджии развешиваю...

Ольга протиснулась мимо Вальки в ее квартиру, а та вдруг заголосила:

– Мужчина! Чего вы здесь курите?! Тоже взяли моду! Весь дым в квартиру идет! На таком морозе разве проветришь!

Из-за спины Вальки Ольга услышала, как Николаев сказал:

– Извините, я сейчас уйду, только... А вы не подскажете, как отсюда быстрее добраться до Скобелевского проспекта? На каком транспорте?

– До Скобелевского-то... – Валька потерла лоб мокрым полотенцем. – Не знаю... Но у меня есть справочник «Весь Петербург». Думаю, разберетесь. Заходите!

И Валька гостеприимно распахнула дверь. Ольга имела счастье увидеть, как Николаев протиснулся в соседскую прихожую, чуть не содрав своей шершавой дубленкой халат с Валентины, которая даже не подумала посторониться.

– Проходите в комнату. – Валька сделала еще один гостеприимный жест, и халат без пуговиц не только призывно распахнулся на ее груди, но еще и выставил для обозрения полную розовую ногу.

Ольга видела, что Николаев отметил и Валькину грудь, которая была еще на два номера аппетитнее Ольгиной, и нагло обнаженное бедро, потому что резко отвел от нее в сторону глаза.

– Сейчас... подождите... я найду справочник... – прощбетала соседка. – Вы садитесь пока... Где ж он у меня был-то...

Валька, будто бы ища справочник, металась туда-сюда по комнате мимо Николаева, скромно присевшего на стул у дверей. Она то и дело задевала его колени, и Ольге казалось, что поясok ее халата вот-вот сам собой развяжется. Допустить этого она не могла, а потому вошла в комнату, вытащила справочник с нижней полочки журнального столика, где он всегда лежал, и плюхнула его на колени Николаева.

– Ах, вот он где! – притворно обрадовалась Валька и со змеиной улыбкой послала Ольгу на кухню: – Соль-то в шкафчике, у холодильника. Бери хоть всю пачку. У меня еще есть.

Ольга, немного поколебавшись, вырвала у Николаева из рук справочник, сунула его в руки совершенно обалдевшей Вальке и сказала:

– А ну, пошли!

Все как-то сразу догадались, к кому она обращается. Валька обиженно прижала к пышной груди справочник и даже прикрыла опять неприлично заголившуюся ногу, а Николаев медленно поднялся и пошел вслед за Ольгой.

Закрыв за Николаевым входную дверь своей квартиры и прижавшись к ней спиной, она приказала:

– Раздевайтесь!

Николаев, не двигаясь, молча и очень внимательно смотрел на нее.

– Ну что смотрите?! Говорю же, раздевайтесь, – повторила она.

– Да я... вообще-то могу... ну... к знакомым... они живут на Скобелевском проспекте... Я примерно представляю, где это... – неуверенно начал он.

– Ну конечно! Явитесь, как дурак, без приглашения... как снег на голову... как татарин... тоже мне – подарочек на Новый год...

Николаев медленно стянул с плеча ремень своей тяжелой сумки. Она плюхнулась на пол с отвратительным шлепком. Ольга сморщилась и посмотрела на сумку, как на омерзительное животное.

– Я завтра же уеду, – сказал Николаев, окончательно смутившись. – Я могу... на полу... это... переночевать... Мне не надо белья... Так... что-нибудь старенькое...

– Хватит! – рявкнула Ольга. – Приехали так уж приехали... Это я от неожиданности вас прогнала. Все-таки мало кто любит такие сюрпризы... Но... мы ведь все равно должны были когда-нибудь познакомиться. Вот и познакомились...

– Познакомились... – эхом отозвался Николаев. – Только я вам совершенно не понравился...

– Ну... так ведь и я оказалась не «стройной брюнеткой»!

– Нет... все не так... Это я от злости сказал... Вы... – он неожиданно улыбнулся, – очень даже брюнетка...

– Но не стройная!

– Нормальная... Вполне...

– Ладно. Ерунда все это, – махнула рукой Ольга, проходя в кухню. – Раздевайтесь, а я сейчас вас чем-нибудь накормлю. Вы ведь с дороги. Голодный, наверно...

– Ну... не так, чтобы...

– Но все-таки... поели бы?

– Пожалуй...

Ольга чистила картошку и размышляла о том, правильно ли она сделала. Может быть, стоило этого Николаева оставить Вальке? Эх она раздухарилась! Чуть из халата не выпрыгнула! Эта самая Валька год назад развелась со своим алкоголиком Витькой, выписала его из квартиры и жаждала снова выйти замуж.

– Ну не могу я без мужика, – жаловалась она Ольге. – Ноги в пустую квартиру не несут, и все! Что мне в ней одной делать-то? Не выть же в окно на луну!

Пару раз Вальке казалось, что она наконец нашла свою вторую половину, но по прошествии очень непродолжительного времени с таким треском прогоняла эти половины из собственного дома, что на шум выскакивали испуганные соседи из всех квартир их лестничной площадки.

Ольга поняла, что Вальке сразу и безоговорочно понравился Николаев, и она пыталась разобраться чем. Да, он не метр восемьдесят, но рост вполне приличный. Голос тоже хороший. Низкий, мужественный. И почему он в автобусе показался ей отвратительно скрежещущим? Лицо? Лицо... так себе... обыкновенное среднестатистическое лицо... Ну а на что нужен красавец? Чтобы он, как Наташкин Лешенька, паялился всем подряд в декольте? Этот Лешенька, кстати, не только паялится. Наташка уж от него наплакалась. Николаев, конечно, не умеет вести себя в транспорте – это факт... А кто сейчас, скажите на милость, усадит даму вместо себя? Да никто!

Картошка уже распространяла на всю кухню аппетитный запах, когда Ольге вдруг не понравилась тишина в комнате. Чего это он там затих? Может, все-таки аферист? Уже обчистил комнату, и поминай как звали? Взяв самый большой кухонный нож, она легкими осторожными шажками отправилась в комнату. Николаев спал, уронив лицо щекой на руку, вытянутую вдоль спинки дивана. Ольга приблизилась и вгляделась в своего неожиданного гостя. Он был одет в черные поношенные джинсы и вязаную серую фуфайку на молнии с пузырями на локтях от долгой носки. Лицо было спокойным, даже умиротворенным, и каким-то детским. Ресницы оказались неожиданно длинными и густыми. Бледный рот чуть приоткрылся. Щеки порозовели. Да он, пожалуй, ничего себе мужчина... Симпатичный... Ну и глаз у Валентины! С ходу разглядела!

Ольга протянула руку к его плечу и поймала себя на том, что хотела назвать его Сережей. Вот еще новости! Какой он ей Сережа? Она и в письмах-то называла его только Сергеем. Она дотронулась до его руки и тихо позвала:

– Э-эй! Просыпайте-есь! Картошка готова! Сейчас будем ужинать!

Николаев открыл глаза, резко сел на диване, явно не понимая, где он находится.

– Это я, Ольга! – напомнила ему она. – Вы у меня в гостях! В Питере! В городе, так сказать, на Неве!

– Простите, – глухим со сна голосом отозвался Николаев. – Я совершенно не умею спать в поезде. Вот и сморило, в тепле...

Ольга достала из шкафа полотенце, бросила ему на колени и сказала:

– Умывайтесь и живо за стол! – И опять поймала себя на том, что ей нравится им командовать. И кормить его она сейчас будет с большим удовольствием.

Чувствовалось, что Николаев не только давно не спал, но и давно не ел. Ольга третий раз подкладывала ему картошки. Он каждый раз смущенно отказывался, но потом очень быстро опустошал тарелку.

– А вы почему не едите? – наконец спросил он и испуганно положил на стол вилку с наколотым на нее кусочком ветчины.

– Ешьте, ешьте, – подбодрила его Ольга. – Я только что со дня рождения. Чего там только не было! Есть, наверно, теперь неделю не захочу.

После этого в кухне повисла напряженная тишина. Николаев наконец наелся, и надо было о чем-то разговаривать. Выждав еще несколько минут, Ольга решила спросить напрямую:

– Можно узнать, зачем вы все-таки приехали?

– А вы... не догадываетесь? – вопросом на вопрос ответил он.

– Ну... познакомиться...

– Познакомиться...

– Мы... как выяснилось... уже познакомились...

– Познакомились... – опять повторил за ней Николаев и чуть подрагивающей рукой засунул в рот кусок ветчины, очевидно, чтобы можно было еще немного помолчать.

Ольга решила выждать, пока он прожует. Кто здесь, в конце концов, мужчина? Николаев прожевал, глубоко вздохнул и вынужден был сказать:

– Ну вот... а поскольку я вам не понравился, то... завтра уеду и все...

– И все?

– И все.

– И писать больше не будете?

– А чего ж писать-то, когда и так уж...

– Да... и так уж... Будете писать другой?

– В смысле? – Николаев дернулся, будто она его ужалила этим вопросом.

– Ну... вы же наверняка не мне одной писали... Я в-вот... не одному вам... сначала...

– Сначала?

– Ну да... Сначала писала троим... разным мужчинам... которые в той газете показались интересными. А потом вас вот выбрала...

– Теперь жалеете? – усмехнулся Николаев.

– А может, те еще хуже, – зачем-то сказала Ольга и поперхнулась. Нельзя так человеку прямо в лицо...

Но человек, похоже, не обиделся. Он улыбнулся, подождал, пока она откашляется, и сказал:

– Да этих разных... ну... которые могут показаться интересными... в любой газете навалом... Еще не все потеряно...

– Не все потеряно... конечно... – согласилась Ольга и посмотрела на часы. Они показывали без четверти двенадцать.

Николаев вздрогнул.

– Простите, что задержал вас. Вам, наверно, пора спать? На работу завтра?

– Ну... вообще-то... на работу... да... Завтра еще надо... Еще только тридцатое будет...

– Тогда давайте... я посуду, что ли, помою...

Николаев вскочил с места и схватился за тарелки.

– Да вы что?! – возмутилась Ольга.

Она попыталась отнять у него тарелку и, нечаянно коснувшись его теплой руки, резко отдернула свою. Николаев тоже отдернул руку, и тарелка упала на пол, расколовшись пополам. «Варяжский гость» с ужасом посмотрел сначала на тарелку, потом на Ольгу.

– Только не говорите, что вы мне завтра купите точно такую же! – попросила она. – Посуда бьется к счастью.

– Как у кого, – не согласился Николаев. – А тарелку могу купить другую. Или две. Как скажете.

– А если потребую сто двадцать две? Купите?

– Как скажете, – повторил он и третий раз за вечер улыбнулся.

Ольга подумала, что у него хорошая улыбка. Брачные аферисты так не улыбаются. Хотя... разве она знает, как они улыбаются. Должно быть, неплохо, если женщины на их улыбки покупаются десятками.

– Я скажу вот что: посуду буду мыть я, а вам предлагаю пока принять душ. С поезда полезно.

– Хорошо, – согласился он, снял с ручки двери полотенце, которым уже вытирал руки, и направился в ванную.

– Ну что вы! – крикнула Ольга и отобрала полотенце. – Я сейчас другое дам, большое.

– Не стоит так беспокоиться, Оля, – мягко сказал он и опять взял полотенце в свои руки.

От звука собственного имени, произнесенного низким мужским голосом, Ольгу почему-то пробрал мороз. Она поежилась, смутилась и отвернулась к раковине. Мыла посуду она на автопилоте, думая только о том человеке, который плескался в ее ванной. Когда еще одна тарелка была разбита, поскольку ее поставили мимо сушилки, Ольга наконец очнулась. Да что же это такое! Подумаешь, назвал ее Олей! И что такого? Да ее все мужчины на работе так называют. А Наташкин Лешка иногда ее называет еще и Лёлочкой. Она же ничего, не тает.

Ольга собрала осколки в мусорное ведро, вытерла стол и прошла в комнату за бельем. Где же ему постелить? Ну... не в одной же с ней комнате! Чужой все-таки человек... Хотя... после года переписки Сергей Николаев казался ей уже почти родным. Она была в него почти влюблена. Впрочем, она была влюблена в другого. Этот Николаев ничем не напоминает ее друга по переписке. Странно, но теперь это почему-то Ольгу уже не раздражало. Ну... другой... и что? Неужоженный, конечно... Но так ведь ухоженные не ищут себе женщин по брачным объявлениям. Пузырей на локтях и следовало ожидать.

Взять, что ли, у Вальки раскладушку? Нет! Объясняться с ней! Придется постелить Николаеву в кухне на полу, на старом матрасе. Ольга, не отдавая себе отчета, почему-то выбрала самое красивое белое белье с кружевными прошивками.

– Ну что вы? Зачем же на пол такое стелить? – смутился Николаев, выйдя из ванной с прилипшими ко лбу мокрыми прядями и в мятой рубашке, которую, видимо, достал из своей сумки.

– Бросьте, – махнула рукой Ольга и, не глядя на него, скрылась в ванной.

Она стояла под горячими струями, которые смывали с лица медленно ползущие слезы. Да что же такое с ней творится? И чего ее так развезло? Не иначе как с Наташкиной выпивки! Точно! Отвратительные пьяные слезы! Ольга потеряла глаза, пытаясь их унять, но они только

потекли с новой силой. Ей вдруг, по выражению Вальки, очень захотелось завывать на луну. Вот сейчас в ее кухне на кружевном белье будет спать мужчина, а она... А она никому не нужна... Даже этому странному Николаеву. Он, конечно же, заснет, как только донесет свою голову до подушки. Не спал, видите ли, в поезде! Нежный какой! А она сейчас не сможет спать, когда он... Да что там говорить...

Ольга кое-как вытерлась и высунула хлюпающий нос из ванной. В кухне было уже темно. На полу белела бесформенная масса – Николаев на лучшем ее белье и на старом матрасе. Зажав рукой рот, оскалившийся для рыдания, она бросилась к себе в комнату, с трудом постелила на диван белье и упала лицом в подушку. Неожиданно для себя Ольга впала в такую безутешную истерику, когда, как ни дави рыдания, они все равно прорываются. Она кусала подушку, старалась думать о хорошем: о пушистой елке, которую ей удалось купить почти за бесценок и которая ждала своего часа на лоджии, о коробке с новыми игрушками в снежных блестках, – но ничего не получалось. В мозгу билась только одна мысль: «Никому, никому не нужна...»

– Оля... что случилось? – услышала она вдруг голос Николаева, вздрогнула, и рыдания перешли в самую отвратительную фазу вытья. – Я сейчас вам воды принесу.

И он принес. Ольга пила, стуча зубами о край чашки и особенно залиvisto всхлипывая.

Ольге очень хотелось перестать рыдать, но ничего не получалось, может быть, как раз оттого, что рядом находился слушатель. Давно известно, что плакать всегда лучше для кого-нибудь. Николаев некоторое время посидел возле нее молча, а потом вдруг погладил по волосам и сказал:

– Это ничего... Это ерунда, пройдет... Вот увидите...

Она так напряглась под его рукой, что слезы чем-то мгновенно перекрыло, будто заслонкой. Ольга наконец вздохнула, глубоко и освобожденно, напоследок шмыгнула носом, но лица от подушки не оторвала. Вот так опозорилась перед «варяжским гостем»... Николаев еще несколько раз провел рукой по ее волосам и сказал:

– Если вы... оттого, что я оказался не таким, какого вы ожидали, то это ничего... Я уеду, а вы найдете себе другого... и все будет хорошо...

– Я никого не найду, – жестко ответила Ольга и села на постели, повернув наконец к нему зареванное лицо.

В комнате сгустился мрак, но она видела, что на Николаеве были только джинсы. При свете луны, сочившемся сквозь тюлевую занавеску, мускулы на руках Сергея отливали зеленым. Мужчина, сидевший на краю Ольгиного дивана, казался ирреальным, рисованным персонажем американских мультиков. Эдакий накачанный супергерой, прилетающий на помощь тем, кому плохо. Она протянула руку и дотронулась до его супергеройского плеча, потом провела пальцами по шее, потом по щеке. Николаев не двигался.

– Ну что же ты? – тихо спросила Ольга. – Обними же меня... Мы же целый год знакомы... Пора уже...

– А ты не будешь потом жалеть? – спросил он.

– Буду, не буду... Какая разница...

– Ну... мне не хотелось бы, чтобы ты со мной... на безрыбье...

– А разве ты писал мне среди золотых рыбок? – спросила Ольга, стаскивая через голову ночную сорочку.

– О-о-оля-а-а... – прошептал он и мягко опустил ее на подушку.

Они смотрели друг другу в глаза. Ольга подумала, что при свете завтрашнего дня, может быть, действительно пожалеет о том, что собралась разрешить Николаеву сегодня. Но то, что будет завтра, сегодня не имеет никакого значения, тем более что это самое сегодня уже наступило чуть более часа назад.

Она не знала, что думал Николаев, но его руки были нежны и бережны, губы теплы и совсем не пахли гадкими сигаретами, которые он курил на лестнице. Она несколько раз назвала

его милым Сереженькой, а он ее – Олечкой. Если даже утром эти их ночные восторги покажутся тошнотворными и ненужными, Ольга решила, что все равно будет вспоминать ласки Николаева, как сказочный новогодний подарок. А что? Любила же Марьюшка своего Финиста Ясна Сокола по ночам! Утром он исчезал, а следующей ночью появлялся вновь. Ей, Ольге, тоже хорошо с Сергеем ночью. Пусть утром он опять превратится в не слишком видного «варяжского гостя» в ношенных-переношенных джинсах, она все равно попросит его задержаться еще на две ночи. Для нее особенно важно, чтобы в самую главную ночь в году – новогоднюю, он опять обернулся для нее Финистом Ясным Соколом.

Утром Ольга проснулась первой, как всегда за пять минут до звонка будильника. Она быстро соскочила с постели и перевела рычажок в нулевое положение. Пусть Сергей поспит. Заслужил. Как хорошо, что еще темно. Значит, очарование ночи не рассеется еще долго. Она напишет Сергею записку, чтобы он обязательно дождался ее с работы, а там... В общем, там видно будет...

Ольга пила кофе, когда Николаев проскользнул в ванную. Она огорченно застыла с бутербродом в зубах. Ну зачем он проснулся... Вот сейчас он выйдет из ванной, и она увидит, что он никакой не Финист, а так себе... чучело в драных джинсах...

Николаев вышел. И Ольга поняла, что ей все равно, какие на нем джинсы. Она уперлась взглядом в здоровое мускулистое тело, которое демонстрировала распахнутая рубашка, потом перевела взгляд на его лицо... И все... Это был тот самый Финист... Он был лучше, чем Финист... Это был ее Сергей... Тот, которого она ждала всю жизнь... Ольга медленно поднялась с табуретки, кое-как проглотила застрявший в горле кусок бутерброда и подошла к Николаеву.

– Сереженька, – срывающимся голосом проговорила она и обняла его за шею.

Он крепко сжал ее в объятиях и задушенно сказал:

– Боже мой... Оля... Я так боялся, что утром все покажется тебе мерзким... А я гаже всего...

– Ты ведь не уедешь сегодня? – испуганно спросила она.

– Ну как же я могу уехать, когда ты... когда я... когда мы...

Сергей совершенно запутался в местоимениях, но она и так все хорошо понимала. Она поцеловала его в губы, он с жаром откликнулся. Они долго еще обнимались бы, если бы Ольге не надо было идти на работу.

Весь рабочий день Ольга находилась в полубессмысленном состоянии эйфории. Она благодарила судьбу за то, что та наконец проявила благосклонность и послала ей Сергея. Как здорово, что она, Ольга, тогда решилась написать ему первое письмо! Надо же, как она безошибочно выделила его из трех претендентов на ее внимание! А то, что Сергей ей сначала не понравился, так... что ж... Видно, бывает и такое... Но ведь, в конце концов, все у них получилось! И не просто получилось, а как нельзя лучше! Сереженька! Се-ре-жень-ка!!!

– Оля! Вы сегодня как-то особенно прекрасны! – сказал ей начальник ОТК Петраченко и подмигнул. – Это на вас приближение Нового года так действует?

Ольга, ничуть не смутившись, ответила:

– Конечно, Геннадий Васильевич! Новый год – он на всех действует!

– Но на вас как-то особенно...

Ольга, счастливо улыбаясь, поднялась с места, обошла начальника и понесла накладные на участок. С Геной Петраченко у них уже несколько месяцев шли нежные перебранки. Начальник был женат, но Ольга считала, что взглядами они никак не могут повредить его семье. Ей было приятно, что Петраченко выделяет ее из всех подчиненных женского пола, и она старалась не думать, куда может завести их взаимная приязнь друг к другу. Она чувствовала, что

сейчас Гена провожает ее глазами, но ей уже было все равно. У нее теперь есть Сергей, и ничьи, даже самые невинные, взгляды ей больше не нужны.

После работы Ольга прошлась по магазинам. Она ощущала себя уже чуть ли не мужней женой. Она с пристрастием выбрала индейку, которую особым способом запечет в духовке на Новый год, и не пожалела денег на свежие, а потому дорогие зимой красный перец и помидоры. Когда два полиэтиленовых пакета стали неподъемными от тяжести продуктов, Ольга решила остановиться. Сергеем обязательно понравится, как она готовит! Он никогда не сможет ее покинуть! Никогда! Они будут вместе до могилы! Надо же! До чего же сладко в таком контексте думать даже о страшной черной яме!

Напоследок, еле волоча свои пакеты, Ольга завернула в магазинчик под названием «Подарки и сувениры». Что бы такое символичное выбрать для Сергея? Она прошлась вдоль полок. Ну ничего подходящего... Все какое-то безликое... залитое металлизированным покрытием или вульгарной цветной глазурью... какие-то дурацкие копилки, кошельки, журчащие модели водопадов, голые женщины, открытки с кошками и пошлыми надписями... Больше всего, конечно, было разнообразных свечей, красноносых Дедов Морозов и кукольно-глупых Снегурочек. Около особо звонкого водопада распевал английскую песню и качал головой даже толстый Санта-Клаус в короткой красной курточке. На полках и прямо на полу теснились искусственные елки всевозможных размеров, цветов и фасонов, обвитые сверкающей мишурой. В застекленном шкафу застыли мягкие игрушки. Все это Ольге не подходило, потому что было чересчур вычурным, кричащим, а главное, чужим.

Раздосадованная, она уже собралась уйти ни с чем, когда заметила в одной из витрин брелок с подвеской в виде маленького прозрачного кубика, внутри которого расположилась многолучевая сверкающая звезда. То, что надо! Ключи есть у каждого человека, а значит, безделушка не такая уж бесполезная. Это во-первых. А во-вторых, в душе у Ольги лучилась такая же звезда, как внутри этого прозрачного кубика. Точно! Это же символ ее, Ольгиной, души, заключенный в пластик и подвешенный к колечку для ключей. Когда Сергей будет вынимать ключи, он всегда будет вспоминать ее! Ольга уже не сомневалась, что двери, которые он станет открывать ключами, для них с Николаевым будут общими.

Оказавшись в собственном подъезде, Ольга почувствовала, что силы оставили ее. И дело было не в тяжести пакетов, которые она с трудом доволокла до дома. Она вдруг подумала, что, может быть, все зря: и звезда в прозрачном пластике, и индейка, и дрожжи для пирогов. Вот она сейчас войдет в квартиру, а там... никого... нет... Вдруг Сергей ушел? Вдруг он все прикинул, взвесил и решил, что новая жизнь с Ольгой не для него? Ночной угар прошел, и он поспешил унести от нее ноги. Или... может быть, он все-таки какой-нибудь аферист и из квартиры уже с утра вывезены все ценные вещи?.. Чушь! Какие у нее ценные вещи? Ну... телевизор новый... ну... компьютер, так он как раз не новый, а ужасно старый, даже не Pentium...

Она, Ольга, ведь, по сути дела, ничего о Николаеве не знает. Мало ли что он там писал в письмах. Все может быть таким же враньем, как рост в метр восемьдесят. Ночью они, разумеется, ни о чем не разговаривали. Они растворялись друг в друге... Ольге вдруг смертельно захотелось плакать. Вот сейчас она поднимется на свой девятый этаж, и если Сергея в квартире не окажется... если не окажется... то она... она... она выбросится из окна с зажатой в кулаке звездой в прозрачном кубике...

Сергей был дома и не один. На Ольгином диване сидела невероятным образом напояженная Валька в белой летней футболке, вырез которой оголял ее внушительную грудь чуть ли не до сосков, и в узкой юбке аж с двумя разрезами по бокам. Из одного разреза на показ была выставлена нога, обтянутая черной сеткой колготок с очень крупными ячейками. Длин-

ные обесцвеченные Валькины волосы были завиты в немыслимые спирали и перекинуты через одно плечо. Валька была и вульгарна, и эффектна одновременно.

– О! Явилась! – сказала Валька, а Николаев бросился помогать Ольге раздеваться.

Скинув Сергею на руки пальто, Ольга прошла в комнату и вопросительно уставилась на Вальку. Та поерзала на диване и зачастила:

– Я это... я за солью... Ты у меня вчера всю забрала... я думала, что у меня есть еще... а оказалось, что нет... а завтра Новый год... а я сегодня уже хотела кое-что приготовить... ну ты понимаешь... ведь...

– Что ты несешь, Валентина? – скривилась Ольга. – Не брала я у тебя вчера соли! И ты сама об этом знаешь!

– Да? – притворно удивилась Валька. – Не брала? Надо же! А я и не посмотрела... Думаю, ту... что на полочке, ты взяла... а в... другом месте не оказалось... вот я и подумала...

– Валька! – угрожающе произнесла Ольга. – Если ты еще хоть слово скажешь про соль, я тебе дам целых три пачки, чтобы ты больше никогда за ней не приходила. Поняла?!

– Чего уж тут непонятного! – обиженно произнесла соседка. – Как самой, так можно приходиться за солью, когда целых три пачки есть! А как другим... так целая истерика...

Валька подбоченилась, при этом ее грудь чуть окончательно не вывалилась из выреза футболки, зыркнула в сторону Николаева и с видом «Ну, Ольга, приди только ко мне еще за солью или спичками!» отпиралась восвояси.

Ольга осталась стоять, прижавшись спиной к стене комнаты. У нее бешено колотилось сердце. Она боялась Вальки. Она боялась всего, что может отнять у нее Сергея. Она действительно ничего о нем не знала, и это, как оказалось, было страшнее всего. Николаев подошел к ней, заглянул в лицо и спросил:

– Оля? Что?!

Она вскинула на него встревоженные глаза и сказала то, что в данный момент чувствовала:

– Я боюсь...

– Чего?

– Всего. Валентины, тебя...

– Если ты думаешь, что я мог... с ней...

– Нет... не то... Вернее, и это тоже... Я не знаю, с кем ты и что можешь! Я ничего о тебе не знаю!

– Но ведь так всегда бывает, когда люди только знакомятся...

– Да... Но мы же...

Он взял ее за плечи, прижал к себе и прошептал:

– Все будет хорошо, Олечка. Ничего не бойся. Ты ведь ничего не боялась ночью. Мне казалось, что...

Ольга не дала ему договорить. Она подняла к нему лицо и сказала:

– Я хочу, чтобы ты любил меня, Сереженька... только меня...

– Я и так буду тебя любить... Кого же мне еще любить, как не тебя... Я тебя еле дождался... О-о-оля-а-а...

Ольга увернулась от его губ и спросила:

– И ты все расскажешь мне про себя?

– Конечно же, расскажу... Да ты и так все знаешь... Я же писал...

– Все врал, как про метр восемьдесят?

– Дались тебе эти метры, – улыбнулся он. – Ну... приврал чуть-чуть... Моя сестра, например, не признает мужчин ниже ста восьмидесяти, вот я и написал сдуру... Чтобы, значит, привлечь...

– Сереж! А почему ты вообще вдруг написал в газету? Неужели так... живьем... не мог никого найти? Мужчинам ведь это проще...

– Оль... Давай потом... К чему все эти разговоры сейчас, когда мне одного только хочется...

– Чего?

– Разве ты не знаешь?

Она знала. Она расстегнула две пуговицы его рубашки и приникла губами к его груди. В этот момент оборвались ручки пакета, который Ольга повесила на ручку двери. По полу раскатились помидоры и прочая снедь. Николаев не хотел выпускать ее из объятий, но Ольга завопила:

– Сережа! Там же индейка на завтра! Она разморозится, а еще рано! И дрожжи! Они потекут! Ты любишь пироги?! Я такие пироги умею печь! Ты не представляешь! Валька... ну эта, соседка... Она сто раз пыталась по моему рецепту, и ничего не получается! Представляешь?!

Они собирали продукты, смеялись, целовались, раздавили два дорогуших помидора, и в конце концов, Николаев сказал:

– Оль, я бесчувственный эгоист! Ты ведь с работы! Есть, наверно, хочешь!

– Ну... вообще-то... да... – согласилась она.

– Значит, так: умывайся, отдыхай, а я сейчас все разогрею. Там еще вчерашняя картошка осталась, а если эти помидоры... ну... которые мы слегка подпортили... вымыть... и добавить... Тебе понравится.

Счастливая Ольга, засунув в морозильник индейку и дрожжи, прошла в ванную. Стоя под душем, она уже не плакала, как вчера. Она улыбалась, предвкушая, как трепетные пальцы Николаева пробегут по ее телу и ей станет гораздо жарче, чем от горячих струй воды. Нет... она не хочет сейчас картошки с помидорами... Она хочет только Сергея... Она так долго его ждала...

Ольга вышла из ванной с таким затуманившимся взором, что Николаев все понял без слов. Он бросил на стол нож, который держал в руках, выключил газ и взял Ольгу на руки. Она обняла Сергея за шею и прильнула к его губам.

– Пахнешь картошкой с помидорами... – прошептала она после длительного поцелуя.

– А ты – цветами... и Олечкой... моей Олечкой...

– Это гель для душа такой... ромашковый...

Они смогли поужинать только часа через два, когда уже оба одурели от поцелуев и объятий.

– Сереж, а ничего, что я не очень стройная? – спросила Ольга, отодвинув от себя тарелку. Она точно знала, что это ничего, что Сергею все в ней понравилась, но хотелось слышать это еще и еще.

Николаев плюхнулся перед ней на пол на колени, спустил с ее плеч халатик и, любуясь ею, сказал:

– Ты красавица... ты самая красивая женщина на свете... Ну-ка, встань...

Она, слегка смущаясь, встала. Халатик упал к ногам. Сергей сидел на полу и с восхищением смотрел на нее снизу вверх. Потом встал и опять обнял ее. Ольга спустила и с его плеч расстегнутую рубашку и тут же испуганно вскрикнула:

– Что это?!

Она впервые видела его обнаженный торс на свету. На предплечье синела небольшая татуировка: внутри несколько кривоватого тонкого круга находилось что-то вроде волны.

Сергей улыбнулся:

– Это... так... Ерунда... Детство... Мне было лет четырнадцать, когда один парень выколот это чертежной тушью...

– Это было в детском лагере... ты тогда еще после этого долго болел... – с трудом ворочая языком, проговорила Ольга, пытаясь натянуть халат и никак не попадая правой рукой в рукав.

– Да-а-а... – удивленно протянул Николаев. – Температура тогда... поднялась под сорок... Какая-то инфекция попала... Прямо из лагеря в больницу отвезли...

Ольга наконец запахнула на груди халат и сказала:

– Сережа... Я Ольга М-Морозова... Дьякова – это по м-мужу... бывшему... Я поленилась после развода снова все документы менять...

– Не может быть... – прошептал Николаев. – Не может... Хотя... ведь ты... Ты же похожа! Оля! Неужели... Ну да... Те же глаза... А я все думаю, почему у меня такое впечатление, будто я любил тебя всю жизнь... А ты, когда писала, ты...

Он не договорил, но Ольга поняла, что он имеет в виду, и ответила:

– Нет. Я даже не подумала, что ты – это он... в смысле ты... Ведь Сергеев Николаевых в России очень много. Я после тебя была знакома чуть ли не с четырьмя... Во всяком случае, троих помню хорошо... Я не могла даже подумать...

– И что теперь? – с ужасом спросил он.

– Н-не знаю... – Ольга тяжело опустилась на табуретку, судорожно сжимая у горла полы халата.

– То есть ты теперь, конечно, не захочешь меня знать? Тогда ты меня здорово ненави-дела...

...Ольге было около четырнадцати лет, когда мать последний раз взяла ей путевку в пионерский лагерь на Финском заливе. Лагерь в поселке Ушково назывался «Звездочка». Он был почти точной копией того, который так талантливо снял Элем Климов в своей комедии «Добро пожаловать, или Посторонним вход воспрещен». От ворот лагеря прямо к заливу вела асфальтированная дорожка, уставленная гипсовыми фигурками пионеров и пионерок с барабанами и горнами в руках, а также с раскрытыми книжками, моделями самолетов, с кроликами, с овощами и фруктами. Гипсовые пионеры чередовались с врытыми в землю белыми стендами, на которых краснели надписи типа: «Пионер – всем ребятам пример!» и «Пионер хорошо учится и помогает старшим!». Дачи были деревянными, барачного типа. А отряды несмешанные: девочки отдельно, мальчики отдельно. Конечно, мальчики и девочки встречались на всевозможных лагерных мероприятиях, но жили в разных дачах.

Ольга любила ездить в «Звездочку», и ей было жаль, что эта смена в ее жизни последняя, поскольку из пионерского возраста она уже выросла. В следующем учебном году собиралась, как и все, вступать в комсомол, а у комсомола свои лагеря – палаточные, трудовые.

В то лето она была в самом старшем, втором, девчачьем отряде. Первый отряд объединял старших мальчиков. Это сейчас Ольга несколько располнела, а тогда была очень тоненькой, с шапкой непослушных волнистых волос и яркими сочными губами. В нее были влюблены чуть ли не все мальчики первого отряда. Она имела возможность выбрать и выбрала самого лучшего – Марата Артеменко. Во-первых, за редкое имя, которое он получил от матери – особы каких-то восточных кровей. Во-вторых, за бездонные карие глаза. В-третьих, за то, что был он на первых ролях в лагере, а в своем отряде – председателем совета. В-четвертых, за то, что все девчонки старших отрядов были в него влюблены. В общем, причин влюбиться именно в Артеменко было предостаточно.

Ольга с Маратом танцевали вместе на всех дискотеках, которые тогда так и назывались – «танцы», ходили за ручку на залив, писали друг другу записки и даже однажды неумело поцеловались, спрятавшись под ветвями одуряюще пахнувшего шиповника, которые казались похожими на шатер. Они, возможно, поцеловались бы еще не раз и научились бы это делать как следует, если бы не Сережа Николаев, который был в одном отряде с Артеменко. Он застукал Ольгу с Маратом за шиповником, потому что следил. Сережа тоже был влюблен в Ольгу,

тоже писал ей всяческие записочки с предложениями дружбы, когда они играли в почту, но, конечно, он не мог сравниться с Артеменко. Сережа был обыкновенным сероглазым шатеном, который по лагерной табели о рангах не смог дослужиться даже до командира звена. Был каким-то спортивным сектором. Спортивному ли сектору тягаться с председателем совета отряда!

– Еще раз дотронешься до нее – убью, – угрюмо сообщил Марату Николаев, выйдя к ним с Ольгой из-за кустов, за которыми они только что поцеловались.

– Да что ты сделаешь? – небрежно поведя плечом, ответил ему Артеменко.

– Увидишь.

Марат звонко поцеловал Ольгу в щеку и с вызовом спросил:

– Ну?

Дальше была драка, в которой Артеменко потерпел позорное поражение и даже запросил пощады. Все-таки спортивный сектор – это вам не фунт изюма! Ольга с трудом досмотрела побоище до конца и даже удержалась от визга, потому что очень надеялась на победу Марата. Когда Артеменко проиграл, она заплакала от унижения. Ее герой должен был победить, а он... Оставив витязей на поле боя, она сбежала на берег Финского залива, где и прорыдала вплоть до ужина. После ужина были танцы, на которые Марат не явился по причине фингалов под глазом и под челюстью, которые он безуспешно прикрывал растопыренной ладонью в столовой. Ольга пришла в танцевальный павильон с сизым носом и тоской во взгляде. Победитель с длинной царапиной поперек щеки попытался пригласить ее на танец. Она, глядя ему в глаза, четко и громко, чтобы слышало как можно больше народу, сказала:

– Я тебя ненавижу!

Она и пришла на танцы, чтобы именно это и заявить Николаеву во всеуслышание. Он не только разбил лицо Марату, он испортил красивую сказку первой Ольгиной любви.

– А я тебя люблю, – так же громко сказал ничуть не смутившийся Сергей, – и ты скоро удостоверись, что твой Артеменко – всего лишь мыльный пузырь!

Ольга не хотела больше ничего знать и из танцевального павильона побежала к даче, опять размазывая по щекам слезы. У входа ее перехватил Артеменко. Он потянул ее за руку в глубь лагеря. За двухэтажным зданием столовой, за баками с отходами он наконец остановился и, задыхаясь от быстрого бега и стыда, спросил:

– Я тебе теперь не нравлюсь, да?

– Не знаю! – выкрикнула Ольга.

– А если бы он... Николаев... запросил пощады, то я нравился бы тебе, нравился бы?!

– Не знаю, не знаю, не знаю! – истерично повторяла она.

– Значит, вы... любите только тех, кто может кулаками, да?!

– Кто это «мы»?

– Вы – девчонки! Да твой Николаев только руками и может махать! На большее у него мозгов не хватает!

– Он не мой! Не мой! Не мой! – кричала Ольга.

– Все равно! Из-за него все! – не менее громко отзывался Марат.

– Ничего не из-за него!

– А из-за кого же ты убежала? Из-за чего не хочешь на меня смотреть?!

– Я же смотрю...

– Оль! А хочешь, я завтра вызову Серегу... ну... на дуэль! С секундантами! – предложил он. – И ты увидишь, что... Я сегодня просто не был готов! Он неожиданно, понимаешь?!

Ольга, которая видела всю драку с самого начала и до конца, понимала другое: Николаев оказался более ловким и сильным. Победить его Артеменко ни при каких обстоятельствах не удастся, только позора прибавится. Да еще и при секундантах!

– Я не хочу этого, Марат. Не надо... – отказалась она.

– А что же надо?

– Не знаю... ничего...

– Ну а ты... Ты больше со мной не будешь... да? Все кончено?

Ольга смотрела в его почти черные в августовских сумерках глаза и не знала, что сказать. С одной стороны, Артеменко ей все еще нравился: вон он какой красивый, даже с синяками. С другой стороны, он так позорно клянчил у Николаева, чтобы тот его отпустил... Никто, правда, кроме Ольги, этого не видел... Ну... подрались... а кто кого победил – никому знать не обязательно. Хотя, конечно, синяки говорят сами за себя. Их не скроешь. А Николаев, подлец, пришел на танцы со своей царapiной, как с боевой медалью или даже с орденом!

Ольга искренне надеялась снова полюбить Марата. Сергей Николаев тоже не собирался отступать. Он объявил тотальную войну председателю совета отряда, красавчику и любимцу лагерных девчонок Артеменко. Сначала он совершенно неожиданно выиграл у него в соревнованиях по настольному теннису, где, казалось бы, Марат был непобедим. Потом команда Артеменко с разгромным счетом проиграла команде Николаева в баскетбол. Любовь к Ольге и ненависть к Артеменко сделали в то лето Сергея Николаева супергероем. Он лучше всех плавал, забивал бесконечные голы в футбольных матчах и сумел быстрее всех развести костер в соревнованиях, проведенных в двухдневном походе. Лица лагерных девочек постепенно отворачивались от Артеменко и поворачивались к Николаеву.

– Артеменко – просто красавчик, и все, а Николаев – настоящий мужчина, – судачили между собой девчонки и напропалую строили ему глазки.

Ольга продолжала его ненавидеть. Ей так хотелось, чтобы Марат хоть в чем-нибудь обставил Сергея, и тогда она выкрикнула бы ему в лицо что-то вроде: «Ну что, съел?!» Такого случая ей так и не представилось. Более того, во время военно-спортивной игры, надеясь победить Николаева, Артеменко с отчаянья пошел на подлог результатов, с чем и был пойман. Такого позора Марат вынести не смог и упротосил родителей, чтобы его забрали из лагеря раньше окончания смены.

– Я же говорил тебе, что он мыльный пузырь, и все, – после отъезда Артеменко сказал Ольге Николаев.

– Ну и что?! – крикнула она ему в ответ. – Чего ты добился?! Думаешь, я полюблю тебя за то, что ты человека унизил? Не дождешься!

– Марат сам себя унизил. Никто его не заставлял приписывать себе очки! – справедливо заметил Сергей.

– Ты же понимаешь, что он это сделал ради меня!

– Я ради тебя ничего себе не приписывал, хотя готов многое сделать, только чтобы ты...

– Да что ты можешь?! – перебила его она. – Только над людьми издеваться... которые слабее тебя! Думаешь, это подвиг, да? Подвиг?

– Пошли! – с решительным лицом оборвал ее Николаев.

– Куда?

– Ты увидишь, на что я способен!

– Ну! Давай посмотрим!

Они вылезли из щели в ограде лагеря и прошли к Черной речке, где у «Звездочки» была своя купальня. Николаев сбросил одежду и пошел к реке. Он обошел купальню и с высокого валуна прыгнул в воду в самом широком месте реки. Он переплыл Черную речку четыре раза подряд и вылез на берег синий и задыхающийся.

– Я море бы переплыл ради тебя, – сказал он ей, ловя ртом воздух.

– Дурак, – ответила она, хотя некоторое уважение к нему у нее все-таки появилось. – Кому это нужно?

– Мне.

– Дурак, – еще раз сказала она и ушла, оставив все еще тяжело дышащего Сергея на берегу Черной речки.

И тогда Николаев упросил парня из музкоманды по кличке Крот сделать на его руке наколку: небольшой круг – букву О, что означало – Ольга, и волну внутри, то есть М – Морозова. Трубоч Крот делал Сергею татуировку в антисанитарных условиях палатки, в которых жила в «Звездочке» музкоманда. Несколько дней Николаев ходил по жаре в рубашке с длинными рукавами и температурой под сорок градусов, пока не свалился в обморок прямо на киносеансе. Когда «Скорая помощь» увозила его в больницу, он передал Ольге записку, где было написано: «Я буду любить тебя всю жизнь». Она порвала эту записку в мелкие клочки, выбросила их в дырку деревянного туалета за дачей, а Сергея Николаева выбросила из своей памяти. Она, разумеется, не вспомнила смертельно влюбленного в нее четырнадцатилетнего мальчишку, когда писала на своих конвертах «Николаеву Сергею»...

– Надеюсь, ты не станешь утверждать, что любил меня всю жизнь, как обещал в своей записке? – спросила Ольга.

– Не стану, – отозвался Сергей, – хотя помнил очень долго.

– Пока рука не зажила?

– Гораздо дольше. Потом, конечно, все как-то улеглось, сгладилось и... что там говорить... подзабылось... Я здорово изменился с тех пор?

Ольга настороженно оглядела его. Изменился, да... Но узнать все-таки можно... Глаза все те же: серые и упрямые... Вот так Финист Ясный Сокол... Спортивный сектор... Неудачник в поношенных джинсах... Впрочем, ей ли это говорить, неудачнице с расплывшимся телом. Она вздохнула и ответила:

– Изменился, конечно. В детстве ты не присваивал себе чужих достижений.

– Это ты опять про метр восемьдесят? – усмехнулся он.

– Да. Мировоззрение поменял?

– С тех пор многое изменилось, – печально улыбнулся Николаев, – но ведь и ты, Оля, в четырнадцать лет, когда за тобой бегали все мальчишки, вряд ли могла предположить, что когда-нибудь будешь искать знакомство по брачному объявлению.

– Это запрещенный прием, Сергей! – рассердилась Ольга.

– Но ведь и ты меня не жалеешь...

– Ты же мужчина!

– Думаешь, мужчинам не больно?!

Ольга уронила голову на руки и расплакалась. Николаев подсел к столу рядом с ней и опять погладил по волосам.

– Оля, ну что изменилось-то? Давай считать, что мы только-только познакомились. По сути дела ведь так оно и есть! Мы и в лагере-то говорили с тобой от силы раза три.

– Вот именно, – всхлипнула Ольга. – Мы совсем не знаем друг друга.

– Кто мешает узнать ближе?

Ольга вытерла слезы, посмотрела Николаеву в глаза и горько сказала:

– Знаешь, Сергей, ты, четырнадцатилетний, здорово испортил мне жизнь. Мне... потом, когда молодые люди хотели меня поцеловать, всегда казалось, что вот-вот из-за угла выскочит Николаев и все испортит.

– Но я же не выскакивал!

– Дело не только в этом! Я ни в одного своего избранника никак не могла поверить до конца. Мне все время казалось, что каждый из них на самом деле вовсе не такой, каким мне представляется. Словом, я всегда помнила, как опозорился Марат... Я стала подозрительной... Мне кажется, что и мимо собственного счастья прошла потому, что напрасно заподозрила одного человека в нечестности... А он назло мне женился на другой и уехал... в другой город...

– Зря ты вешаешь на меня всех собак, – бросил ей Николаев, встал с табуретки и нервно прошелся по кухне.

– Возможно, – согласилась Ольга. – Но ты в моей памяти – сугубо отрицательный персонаж...

Николаев опять подсел к ней за стол и сказал:

– Оля! Детство прошло! Юность прошла! Все изменилось. Я изменился. Ты изменилась. Нас, судя по всему, обоих здорово побил жизнь. Мы можем начать все сначала. Разве тебе плохо было со мной?! Ты же вернулась сегодня с работы счастливой! Я видел!

Ольга еще раз взглядела в Николаева. Да, ей было с ним хорошо. Он нежен и чувственен в той самой мере, в какой ей это и было необходимо. Ее сексуальная жизнь с мужем была дисгармоничной, отчего они, по большому счету, и развелись. Сергей ей подходил. Он ей всем подходил. Ей понравилось его сильное, тренированное тело, низкий хрипловатый голос и даже лицо, немного аскетичное, но по-своему привлекательное. Серые глаза, пожалуй, даже можно было назвать красивыми.

– Расскажи мне о себе, Сергей, – попросила она.

– Отчитаться, значит, за прожитые годы, – усмехнулся он. – Ну... хорошо. Сам я из Выборга. Армию отслужил под Мурманском. Оттуда как-то поехали с друзьями на побывку в Петрозаводск, там познакомились с девушками. После армии приехали туда, женились, ну и остались там... Заочно закончил питерский Политех... Инженер-электронщик... Сейчас в отпуске... Что еще?

– А семья... Может быть, дети... – ответила Ольга.

– Да... У меня двое детей. С женой не живем уже... в общем, давно. Несколько раз пытался устроить свою личную жизнь, но... как-то все неудачно...

– А газета... Почему написал в газету?

– Сам не знаю... С тоски... Как-то все из рук валилось... А в отделе у нас... ну... в НИИ, где я работаю, одна женщина вышла замуж по брачному объявлению. Очень удачно... Всем рекомендовала, холостым, – форму такого газетного объявления навязала, адрес дала, куда посылать. Вот так оно и получилось.

Они помолчали.

– Теперь ты хочешь узнать про меня? – спросила Ольга.

– Нет! – очень торопливо отозвался Сергей. – Нет! Только потом, если...

– Если что?

– Если что-нибудь у нас получится...

– Может быть, пока все-таки выпьем чаю?

– Давай выпьем.

Они пили чай и по-прежнему молчали. Потом Ольга спросила:

– А почему ты так странно приехал? Без предупреждения. Неужели именно сюрпризом? Тот Сергей Николаев, из пионерского лагеря, никогда этого не сделал бы. Или я ошибаюсь?

– Не ошибаешься... Почему так приехал... трудно сказать, Оля. Про сюрприз – это я, конечно, сказал сдуру... от испуга... А вообще... просто все так... совпало. Мне очень хотелось с тобой... ну, с той, с которой переписывался... познакомиться по-настоящему, а тут неожиданно пришлось пойти в отпуск. И Новый год на носу... В общем-то, смешно, конечно... – Он бросил на нее быстрый взгляд и продолжил: – Как там в стишке: «Говорят, под Новый год, что ни пожелается, все всегда произойдет, все всегда сбывается»... Вот что-то мне и взбренило, дураку...

– Поцелуй меня, Сережа, – тихо попросила Ольга.

Николаев застыл, не поворачивая к ней головы. Ольга встала с табуретки и обняла его за шею. Какое-то время он еще сидел, не в силах пошевелиться, потом поднялся и опять произнес свое: «О-о-оля-а-а...», от чего у нее уже несколько раз кружилась голова.

Утром тридцать первого декабря можно было никуда не торопиться. И Ольга с Сергеем не торопились.

– Скажи, что ты наконец простила меня за Марата и... прочее... – попросил Николаев, целуя ее плечи.

– Не скажу... Я не знаю... – ответила она, обняла его за шею, притянула к себе и зашептала в ухо: – Сережа-а-а... Все, что случилось с нами, так странно... У меня все переворачивается внутри, когда я думаю о том, что ты – тот самый мальчик, который холодным августовским вечером несколько раз переплыл Черную речку только ради того, чтобы мне понравиться... А потом чуть не отправился на тот свет из-за этой идиотской татуировки... – Она провела пальцем по кривой синей окружности на его предплечье. – Неужели это все нужно было для того, чтобы мы потом вот так неожиданно встретились?

– Может, это судьба? Меня тоже прямо трясет от того, что ты – та самая Оля Морозова, ради которой я в четырнадцать лет в самом деле готов был на любые испытания и смертные муки.

– А сейчас... на что ты готов сейчас? – спросила Ольга.

– А чего бы ты хотела?

– Люби меня, Сереженька, так же по-сумасшедшему, как в детстве.

– Ты хочешь, чтобы я что-нибудь переплыл в декабре?

– Не обязательно...

Николаев понял... И отбросил в сторону одеяло...

Потом они завтракали, неотрывно глядя в глаза друг другу, потом запойно целовались на кухне, потом Николаев взялся установить елку, а Ольга занялась продуктами. Ей хотелось показать Сергею все свои кулинарные способности. Когда она укладывала в кастрюльку овощи для варки, Николаев зашел на кухню и обнял ее, стоящую у плиты, за талию. Ольга тут же развернулась и приникла к нему всем телом.

– Скажи мне что-нибудь хорошее, Оля, – попросил он.

– «Говорят, под Новый год, что ни пожелается, все всегда произойдет, все всегда сбывается...» – тихо проговорила она.

– Мне кажется, я... люблю тебя, – сказал он.

Испуганная Ольга закрыла ему рот ладонью:

– Не торопись, Сережа...

– Я не тороплюсь. Мы целый год переписывались. Ты мне очень нравилась... по письмам... как человек... Я давно хотел написать тебе эти слова в письме, но понимал, что при встрече вживую может что-нибудь не получиться... И я сразу готов был уехать, когда... Но ведь получилось, Оля! Все получилось! В той записке, которую я написал тебе в детстве, были пророческие слова. Тебе так не кажется?

Ей именно так и казалось, но она боялась в этом признаться. Она боялась неосторожным, преждевременным словом разрушить то, что в преддверии самого сказочного из всех праздников рождалось сейчас на ее кухне. Неужели это и в самом деле любовь? А он уже опять целовал ее так, что кружилась голова, называл самыми нежными словами. И Ольга отпустила себя на волю. Он ведь тоже нравился ей по письмам. Она мечтала встретиться с ним и заглянуть в глаза. И вот его серые глаза перед ней... Вот его губы... И весь он с ней, для нее...

– Сереженька... милый... – откликнулась она. – Я... твоя... твоя... я даже не знала, что такое возможно... со мной... с тобой... – И она ответно обнимала и целовала куда придется человека, которого еще позавчера ненавидела за то, что он не уступил ей место в автобусе.

А потом в его кармане зазвонил мобильник. Николаев нехотя оторвался от Ольги и сказал в трубку:

– Да, конечно, как договорились. – Потом взглянул на кухонные настенные часы и спросил: – Где-то через час, в крайнем случае, через полтора... устроит? – и спустя несколько секунд добавил: – Все понял. Буду.

Он сунул телефон обратно в задний карман джинсов, а она помертвелыми губами спросила:

– Куда?

– Не пугайся, – улыбнулся он. – Я привез одному человеку документы из нашего НИИ. Заодно, раз уж направлялся в Питер. Мы договорились заранее. Я сейчас встречу с ним, передам бумаги и вернусь, и мы будем праздновать с тобой НАШ Новый год... НАШУ новую жизнь!

И он опять поцеловал ее очень нежно. Потом еще раз уже на пороге. Ей почему-то страшно было отпускать Сергея, но она понимала, что не сможет всю оставшуюся жизнь держать его подле себя. Всю оставшуюся жизнь... Она уже верила, что оставшуюся жизнь они проживут вместе. Она любит его, неожиданно свалившегося как снег на голову Сергея Николаева...

Ольга долго копошилась на кухне: отваривала овощи, яйца, разделывала индейку и селедку, замешивала тесто для тарталеток, в которых очень красиво будут смотреться салаты. Сегодня она должна превзойти самое себя, потому что все ее старания будут для него, для Сергея... Сережи... Сереженьки... Ольга бросила взгляд на часы и похолодела. Уже четвертый час! Надо же! Она не заметила, как пролетело время. Даже есть не захотела, потому что уже попробовалась всякой всячины. Во сколько же ушел Сергей? Она время не засекала, но не было еще и двенадцати. Конечно... потому что после его ухода она слушала по радио конец передачи «Медицинские советы», которая обычно заканчивается в четверть первого. Значит, если предположить, что Сергей ушел в 11.30, то... следует прибавить полтора часа, как он предполагал по максимуму, в одну сторону, полтора – в другую, ну и... час на передачу документов и всяческие разговоры... Итого получается... получается, что вернуться он должен не раньше половины четвертого... А сейчас? А сейчас еще 15.20. Фу-у-у... У Ольги отлегло от сердца. Она бросилась к холодильнику. У нее там был вчерашний куриный бульон. Пожалуй, надо разогреть, а то Сергей вернется голодным.

Ольга разогрела бульон, отварила для него вермишели, доделала селедку под шубой и положила в маринад под груз кусочки рыбы. Сергея так и не было. Его не было и в 16.20, и в 17.20. Ольга прошла в комнату. Спортивная сумка Николаева стояла у стены, куда он ее поставил вечером самого первого дня. Значит, придет. Надо ждать. И почему она не спросила у него номер мобильного?

К семи часам вечера у Ольги все было готово: и тушеная индейка, и селедка под шубой, и рыба в маринаде, и разнообразные салаты, и даже пироги, для которых она умела делать быстрое дрожжевое тесто. Ровно в 20.00 у нее затряслись руки, в 20.15 – подбородок, а в 20.20 раздался долгожданный звонок в дверь. Ольга, с облегчением вздохнув, подлетела к двери. На пороге стояла высокая красивая девушка лет двадцати.

– Мне нужен Сергей Александрович Николаев, – с вызовом сказала она.

– Его нет... – ответила Ольга, а сердце, как ей показалось, рухнуло в пятки.

– А где он? – требовательно спросила девушка.

– Я... я не знаю... – жалко пролепетала Ольга.

– Нормально! – презрительно скривила губки незнакомка. – А кто знает?!

– А вы, собственно, кто?

– В общем, так! Нам надо поговорить! – заявила девушка. – Я пройду?

Ольга посторонилась. Девушка решительным шагом прошла в кухню и села на табуретку.

– Хорошо пахнет, – отметила она. – Пироги пекли?

– Вы кто? – опять спросила Ольга, решив не задерживаться на пирогах, поскольку надо обсудить более важные вопросы.

– Допустим, его возлюбленная.

– Допустим... или...

– Ну хорошо: «или»! Да, он меня любит! Он должен был приехать ко мне, но почему-то окопался тут у вас. Я так и не поняла: в чем дело? Вы кто?

– Я-то? – опять самым жалким голосом спросила Ольга.

– Вы-то!

– Я... в общем, знакомая... детства... Он просто у меня переночевал. Видите, даже не сказал, куда пошел... Но я не понимаю, почему вы пришли искать его у меня? Он вам что, адрес мой сказал?

– Ага, как же! Он не идиот, хотя кое-чего явно недопонимает! Он вчера от вас звонил, а телефон у меня с АОНОм! Знаете, что это такое, или объяснить?

– Телефон – телефоном, но адрес? – продолжала мямлить Ольга.

– А адресная база данных на что? Сейчас по номеру телефона с помощью компьютера кого хочешь найдешь! Во всяком случае, в Петербурге!

Ольга решила собраться и взять себя в руки. Девчонка несет чушь. Она очень молода, хороша собой и нарядно одета. Зачем ей тридцатидевятилетний Николаев в старых джинсах и потрепанной вязаной фуфайке?

– Мне кажется, вы что-то путаете, девушка, – осторожно начала Ольга.

– Больно надо! Хотите, докажу?!

– Ну...

– И нечего нукать! Я, например, уверена, что он приехал с большой черной спортивной сумкой на длинном ремне. Он всегда с ней ездит.

– У всех такие сумки... Почти...

– Да, но у Сергея в наружном кармашке обязательно лежит лосьон после бритья – «Капитанский». Гадость ужасная, но он привык и ни за что не хочет его менять.

Ольга внутренне вздрогнула. На полочке в ванной со вчерашнего дня уютно устроился именно лосьон «Капитанский». Ей до смерти захотелось утереть наглой девчонке нос, несмотря на то что она наверняка говорит правду.

– Пошли! – бросила она ей.

– Куда? – удивилась та, вскинув тонкие изящные бровки.

– Лосьон искать.

В комнате она кивнула на сумку Николаева:

– Ну! Ищите!

Девушка, опять презрительно оглядев Ольгу и передернув плечами, присела над сумкой и растегнула карманчик, внутри которого не оказалось «Капитанского» лосьона. Ольга победно скрестила руки на груди, но юная особа совершенно не растерялась.

– Ну конечно... Он же сегодня наверняка брился... Как же я об этом не подумала! Но, знаете... – она обворожительно улыбнулась, – придется все-таки вас огорчить! Вот сейчас, смотрите... – И она взялась за язычок молнии, на которую было застегнуто самое большое отделение сумки. – Сейчас я достану свои собственные туфли... красные, на серебряной шпильке. Я их у него оставила, когда приезжала в прошлый раз в Петрозаводск... Да-да, я знаю, где Сереженька живет, и не раз бывала у него в гостях!

Ольге хотелось крикнуть, что девчонка не смеет рыться в чужих вещах, но, что называется, язык присох к гортани, когда из николаевской сумки и впрямь показалось что-то красное, упакованное в полиэтилен. А девчонка, делая свое ужасное дело, продолжала говорить не менее ужасные вещи:

– Надеюсь, вы догадываетесь, в какие моменты зимой можно надевать такие туфельки! Он, в смысле Сережа, еще любит красное белье... и чтобы пояс с резинками... Видали, наверно, по телевизору?

Ольга в предобморочном состоянии тяжело опустилась на диван. Девушка вынула из пакета изящную красную обувь действительно на серебряной шпильке, моментально скинула модный белый сапожок, вдела ножку в туфельку и даже притопнула ею по полу. Тоненький металлический каблук звонко цокнул.

– В общем, так! Туфли я забираю, – подвела итог собственной неутомимой деятельности девушка, опять надевая сапог. – Надеюсь, вы видели, что они мне впору. И потом... если бы они были не мои, то вряд ли я о них знала бы, как, собственно, и то, что Сергей Александрович Николаев прописан в городе Петрозаводске. Ждать его у вас я, конечно, не стану, поскольку... – Девушка бросила взгляд на часы мобильного телефона. – Новый год скоро, и вообще... Я даже звонить ему не буду, потому что... короче, это мое дело! Сам придет, никуда не денется! Особенно когда выпьет... ну... в честь праздничка... Тут уж вы его и пирогами своими не удержите! Ну! Пока! Бывайте здоровы! – Она оглядела голую елку в углу комнаты и напоследок наставительно заметила:

– Елочку-то неплохо бы нарядить! Все-таки традиция!

Застегнув коротенькую шубку из пушистого серого зайца, девушка гордо вышла из комнаты. Когда за ней громко ухнула входная дверь, Ольга подпрыгнула на диване и бросилась к николаевской сумке. Она схватила ее дрожащими руками, неловко перевернула кверху дном и вытрясла на ковер все ее содержимое. Ей казалось, что из черного нутра должны дождем посыпаться порнографические журналы, женское белье, презервативы в ярких упаковках и, возможно, даже муляжи половых органов. На ковре перед ней лежало смятое мужское белье, тренировочные брюки, пара новых носков в целлофановой упаковке, светлая рубашка, тоже новая, вся зашпиленная булавочками и упакованная, какие-то технические журналы, полотенце, пакет с остатками дорожной еды, чашка, кипятильник и письма... многочисленные Ольгины письма в фирменных питерских конвертах.

Ольга перебирала и перебирала руками вещи Николаева, будто под ними каким-то непостижимым образом все-таки исхитрились спрятаться красные женские трусики и кружевной пояс с черными резинками. Но, как ни старалась, никаких компрометирующих штучек она так и не обнаружила ни на полу, ни в многочисленных карманчиках сумки, отчего даже разозлилась. Ей очень хотелось бы ткнуть в лицо Николаеву самым отвратительным муляжом полового органа. Должен же он когда-нибудь прийти за сумкой! Без всякого порядка Ольга запихнула в ее чрево вещи Сергея. Все, кроме собственных писем. Зачем он возит их с собой? Может быть, читает их своей... на серебряных шпильках... перед тем, как...

Ну почему?! Почему именно она во все это вляпалась! Разнюнилась, рассиропилась, расползлась... Пирогов напекла... дурища! А Николаев – обыкновенный брачный аферист! От того, что она когда-то была с ним в одном пионерском лагере, дело не меняется. Он был прав! В детстве каждый уверен, что впереди его ждет длинная замечательная жизнь. Вот она, Ольга, и впрямь была уверена, что выйдет замуж за самого прекрасного принца на свете, а что в итоге? В итоге она вышла замуж за своего однокурсника Гришу Дьякова. Гриша все десять лет супружества с помощью Ольгиного тела удовлетворял сексом одного только себя, моментально засыпая после ежевечернего исполнения долга перед самим собой. Детей он принципиально не хотел, потому что от них визг, крошки, двойки и множество других проблем. Поскольку пить гормональные препараты Ольга наотрез отказывалась, Гриша строго следил за качеством презервативов, уже до него проверенных электроникой, и обещал Ольге, что созреет к отцовству годикам так... к тридцати пяти, не раньше. Ольга покорно ждала, потому что долгое время любила его за необыкновенно веселый нрав, физическую силу, эрудицию, мужественное волевое лицо и общую привлекательность. В собственной сексуальной неудовлетворенности она

мужа не винила, считая ущербной себя. Кто знает, сколько бы тянулось такое положение вещей, если бы однажды в гостях Гриша не перепил бы более обыкновенного и не потерял контроль над собой. Ольга, выйдя на улицу подышать свежим воздухом, нечаянно наткнулась на собственного мужа, предающегося страсти с хозяйкой дома Катериной прямо на газончике дачного «бунгало», где проходило торжество. Она замерла в растерянности даже не столько от того, что ее муж занимается сексом с другой, столько от того, как он это делал. Никогда в жизни Гриша не ласкал Ольгу подобным образом. Между ними все всегда происходило быстро и деловито: раз-два – и Гриша спит. Жене своего приятеля Дьяков устроил настоящий праздник плоти. Ольга понаблюдала за их игрищами несколько минут, потом опустилась рядом на уже изрядно примятый газон, встретила взглядом с удивленными глазами мужа и, пристально в них глядя, спросила:

– А со мной, Гришаня, так слабо было?

Гришаня, услышав законный вопрос своей не менее законной жены, впал в такой длительный столбняк, что она, то есть законная жена, успела похлопать его по плечу, встать с газона и даже уехать домой.

На следующий же день Ольга подала на развод. Дьяков кричал, что своего согласия не даст, потому что жену очень любит, а на дне рождения у приятеля его бес попутал на почве невероятно сильного опьянения, которого он никак не ожидал от обыкновенного коньяка. Ольга его оправданий не слушала, потому что перед глазами стояло запрокинутое лицо Катерины, на котором было написано фантастическое наслаждение. Подождав, пока Дьяков полностью выскажется и иссякнет, Ольга спросила:

– Гриш! А ты можешь организовать мне то же самое, что делал для Катерины?

– Оля, ну я же сказал, что был по-свински пьян!

– Ну... так, если надо, я могу поставить тебе пару бутылок коньяка. самого лучшего, идет? Могу водки... Дорогой. Могу дешевой. Как скажешь!

Дьяков поморщился и принялся занудно объяснять, что он с любимой женщиной не может так, как с какой-нибудь Катериной, про которую все знают, что она слаба на передок.

– Ну и много у тебя было женщин... слабых на... передок, как ты изысканно выражаешься?

Вместо того чтобы прямо ответить на вопрос, заданный в лоб, Гриша ударился в такую дику демагогию, что Ольга поняла – много. Когда поняла, рассмеялась мужу в лицо. Он оторопело замолчал. Ольга сорвала с себя халат, все, что было под ним, и потребовала:

– Или ты со мной сейчас так же, как с Катериной, или я тебя... придушу, Дьяков!

Разумеется, она не стала бы его душить. Они оба понимали это, но Григорий повиновался. Возможно, ему хотелось спасти семью, внутри которой ему было удобно существовать. Он и не догадывался, что Ольга всего лишь хотела удостовериться: нормальная ли она женщина, которую просто не любит собственный муж. И она удостоверилась. Она нормальная! Нормальная! Оказывается, ей так же хочется стонать под мужскими руками и губами, как слабкой на передок Катерине. У нее так же запрокидывается голова и закрываются глаза. Она все может! У нее все получается, только ее восторги, оказывается, совершенно неинтересны мужу. Ему достаточно того, что он получает от других женщин. А все предназначение Ольги лишь в том, чтобы стирать ему белье, варить обеды и сопровождать на увеселительные мероприятия, где он, оказывается, успевает еще и... В общем, они все-таки развелись. После Дьякова у Ольги были, конечно, мужчины, но ничего значительного из этих связей так и не произошло. Но однажды она встретила того, который мог бы стать ее судьбой.

В те времена Ольга работала в планово-распределительном бюро механосборочного цеха Кировского завода. В один из июньских субботних дней коллектив бюро отправился отдохнуть за город на Пендиковское озеро. Недалеко от привала Ольгиных сослуживцев поставили палатку четверо молодых мужчин. Ольга, испытывавшая после развода стойкую неприязнь ко

всем лицам противоположного пола, не удостоила соседей даже любопытствующим взглядом. Сидя на траве спиной к ярко-голубой палатке, она сосредоточенно разгадывала кроссворд, одновременно мучаясь тем, что зря поддалась уговорам и приехала на озеро, где ей жутко скучно. Когда она точно поняла, что не знает, какого комика считал своим учителем великий Чарли Чаплин, и в раздражении отбросила от себя журнал, тут-то и почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд. Она обернулась. На нее смотрел высокий, совершенно лысый мужчина. Несмотря на то что бритые головы уже начинали входить в моду, Ольгу безволосые граждане мужского пола совершенно не привлекали. Она уже хотела было отвернуться, но вдруг встретилась с незнакомцем взглядом. В его глазах так явственно читалось восхищение ею, что Ольга, абстрагировавшись от блистающей на солнце лысины, внимательно рассмотрела мужчину в целом. И именно в целом он ей тоже сразу понравился. У него были большие, несколько навывкате светло-голубые глаза, прямой нос и пухлые чувственные губы. Поскольку на нем надеты были одни лишь плавки, Ольге удалось рассмотреть и тело незнакомца. Оно было явно тренированным и уже очень загорелым, несмотря на то что лето только-только началось.

Субботний отдых на Пендиковском озере теперь приобрел для Ольги особый смысл, правда, поняла она это не сразу. Сначала она просто порадовалась тому, что на нее смотрят с явным восхищением, и на всякий случай приняла, как ей показалось, более красивую позу. Пропустив Чарли Чаплина и записав в клеточки кроссворда постоянный образ-маску Юрия Никулина (Балбес) в комедиях Гайдая, Ольга решила проверить, на месте ли восхищенный ею мужчина. У голубой палатки не было никого. Она этим огорчилась и поискала глазами заинтересовавший ее предмет. «Предмет» направлялся в лесок с поблескивающим в руке топориком. Заготовку топлива для костра, что являлось делом святым, Ольга незнакомцу простила, тем более что, вернувшись, он продолжал бросать на нее недвусмысленные взгляды голубых выпуклых глаз.

Что бы они с сослуживцами в тот день ни делали, Ольга знала, что за ней пристально наблюдают, и старалась показать себя в самом выгодном свете. Она даже согласилась играть в волейбол, что не очень любила. Ей хотелось, чтобы голубоглазый мужчина получше разглядел и ее фигуру, которая тогда была еще без особых изъянов. Несколько раз ей приходилось бегать за мячом прямо к палатке четырех друзей, и один раз тот, кто по-прежнему не сводил с нее глаз, подал ей мяч и приветливо улыбнулся. А потом все четверо соседей встали к ним в круг, а тот, который больше всех интересовал Ольгу, оказался прямо напротив нее. Разумеется, в самом скором времени все перезнакомились, и обед готовили уже вместе на общем костре. Когда картошка с тушенкой были готовы, голубоглазый мужчина взял две порции и одну принес Ольге.

– Это вам, – сказал он и сел рядом на поваленное дерево. – Вас, кажется, зовут Олей. Она кивнула.

– А меня Яном, если вы вдруг не расслышали.

Ольга не могла не расслышать, потому что все ее органы чувств уже были настроены на этого мужчину и улавливали все, что хоть как-то его касалось. Она удивлялась, что ей нравится даже его блестящая лысина.

– Я геодезист, а вы? – спросил Ян.

Геодезисты для Ольги были кем-то сродни космонавтам, поэтому она смущенно назвала свою банальную профессию:

– Инженер.

– А что так не радостно? – рассмеялся Ян. – Инженеры бывают разные.

– Я... самый обыкновенный инженер, работаю на механосборочном производстве.

– И все равно это не повод к огорчению!

– Наверно... – согласилась Ольга и улыбнулась.

– Вы очень красиво улыбаетесь, Оля, – сказал Ян, и Ольга с трудом сдержалась, чтобы не сказать ему ответный комплимент. Он тоже красиво улыбался. Да что там... Он весь ей нравился. Он стал первым мужчиной, который понравился ей после развода с Дьяковым. Ольге хотелось сидеть с ним рядом вечно и есть из пластиковой миски пахнущую дымом костра картошку с тушенкой.

Видимо, Яну хотелось примерно того же, потому что он вдруг предложил:

– А давайте уедем отсюда, Оля!

– Куда? – растерялась она, хотя внутренне уже была согласна с ним во всем.

– А куда глаза глядят! – опять рассмеялся он и протянул ей руку.

И к удивлению обеих только что подружившихся сторон, они действительно уехали.

Целоваться Ольга с Яном начали уже в тамбуре электрички. Они вообще не заметили бы, как пролетело время в пути, если бы двери электропоезда периодически не открывались на остановках. Иногда в тамбур набивалось такое количество людей, что Ольгу буквально припечатывали к Яну. И это было здорово, потому что давало возможность без всякого смущения прижиматься к нему всем телом. Когда тамбур пустел, тоже было неплохо. Они яростно целовались, а руки Яна забирались Ольге под футболку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.